

Глава IV.

Первый военный походъ, сраженіе и миръ.

Пораженный ужасомъ императоръ Александръ I-й, послѣ несчастнаго Аустерлицкаго сраженія, видя оставленнымъ себя отъ Австріи и Пруссіи, далъ повелѣніе повѣренному своему въ дѣлахъ въ Парижѣ, статскому совѣтнику Убрилю заключить миръ съ Наполеономъ во что бы то ни стало. Вслѣдствіе сихъ повелѣній Убри подписалъ мирный трактатъ такового содержанія, каковой побѣдителя подписать было угодно: но въ теченіе сего времени, тогда внушеніями Англіи Прусскій король, изъ послушнаго слуги Франціи восхотѣлъ сдѣлаться ея непріателемъ, и Александръ I-й, успокоясь, увидѣлъ, что еще армія его, столь многочисленная, можетъ выдержать новый походъ, перемѣнилъ свои мысли, соединясь съ Пруссіей тѣснѣйшимъ союзомъ и возжелалъ вновь сразиться съ Наполеономъ. Среди сихъ измѣнившихся обстоятельствъ, миръ заключенный Убри не только не ратификованъ, но и вмѣнена ему въ вину излишняя поспѣшность, и будто онъ дѣйствовалъ противно даннымъ ему наставленіямъ, но сія постыдная ложь никого не могла обмануть, ибо всякій видѣлъ сильное желаніе государя заплатить французамъ при первой возможности за свое пораженіе. Чтобы болѣе прикрыть себя маскою желанія мира, Александръ I-й послалъ новаго посла къ Наполеону, — Новосильцева, но съ требованіями, на которыя заранѣе знали, что онъ не согласится. Въ сіе время государь, зная, что большая часть Россіи не одобряетъ сей бесполезной и на единой личности основанной войны, далъ указъ сенату, въ которомъ притворяясь въ желаніи мира, но сваливъ постыдно вину на Убри въ невыгодныхъ переговорахъ, изъяснилъ, что посланъ Новосильцевъ вновь предложить самыя умѣренныя основанія мира, и что если Наполеонъ ихъ не приметъ, тогда честь Россіи требуетъ поднять оружіе, (слова, которыми обыкновенно прикрывается самолюбіе государей) для пріобрѣтенія прочнаго мира. Гибкій сенатъ въ поднесенномъ адресѣ соглашаясь съ монархомъ, увѣрялъ, что всѣ готовы пролить кровь свою, если Наполеонъ осмѣлится не согласиться на предложенія, данныя ему государемъ; получа сіе сенатское увѣреніе, Александръ тотчасъ

привелъ всѣ войска свои въ движеніе и, вслѣдствіе сего, и я съ полкомъ выступилъ въ походъ изъ Витебска, 6-го октября 1806-го года.

Я не стану говорить о трудностяхъ онаго, ибо самое время года показываетъ всю тяжесть его, въ особенности же въ болотистомъ Литовскомъ краѣ, при худо устроенныхъ дорогахъ, бѣдности жителей и при слѣдованіи многочисленной арміи, ея артиллеріи, парковъ и прочая; словомъ, мы тонули въ грязи. При семъ нельзя не замѣтить того, что, ведя сію войну, два честолюбца Александръ и Наполеонъ, по словамъ ихъ оба старались только о мирѣ, какъ верховномъ благѣ людей, а между тѣмъ съ пламеннымъ желаніемъ соединяли всякій стотысячный свои арміи для личнаго прославленія себя, ибо ни польза Россіи, ни Франціи не требовали сей страшной войны, потому что Пруссія еще была самостоятельнымъ между ними государствомъ, а Австрія еще имѣла силы могла ручаться за равновѣсіе системы политической, что и доказало послѣдствіе бурнаго сего періода ужасныхъ войнъ. Въ продолженіи похода 26-го октября, мы получили Высочайшее повелѣніе, что наша 5-я, 7-я, 8-я и 14-я дивизіи будутъ составлять армію подъ начальствомъ генерала графа Буксгевдена и что соединеніе наше послѣдуетъ въ окрестностяхъ города Гродно, гдѣ и главная квартира нашей арміи назначена. Такимъ образомъ соверша сей трудный походъ мы въ окрестностяхъ мѣстечка Мосты, соединились въ началѣ ноября съ 14-ю дивизіею, и 20-го того же мѣсяца выступили колоннами за границу нашу. Колонну нашу составляли полки: нашъ Могилевскій, Рижскій драгунскій и батарейная рота артиллеріи графа Сиверса; слѣдуя въ семь порядкѣ, мы въ 60-ти верстахъ отъ за-границы соединясь со всѣми колоннами нашей 5-й дивизіи, въ которой состояло 11800 человекъ съ 60 орудіями артиллеріи, продолжали движеніе свое къ берегамъ Вислы, по тогдашней прусской Польшѣ и прошли одинъ только значительный городъ Бѣлостокъ; прочіе же мѣста сего нынѣшняго царства Польскаго, покрыты бѣдными деревенками и весьма незначительными мѣстечками тамъ и сямъ разбросанныя посреди болотъ и лѣсовъ продолжительныхъ.

Въ семь походѣ впервые еще узнали *биваки*, ибо послѣ продолжительныхъ и утомительныхъ переходовъ, на которыхъ мы почти непрестанно тащили по ужасной грязи на плечахъ солдатъ свою артиллерію и, располагаясь въ сихъ бивакахъ, гдѣ грязная земля служила намъ постелью, а небесный сводъ кровомъ, мы согрѣвали и осушили себя разводимымъ нами огнемъ, для котораго ломали заборы, овины, риты, амбары и даже крыши съ домовъ и лачугъ; слѣдствіемъ сего изну-

рительнаго похода была довольная убыль людей изъ фронта, а новая наполеоновская выдумка лагерей безъ палатокъ и замѣна оныхъ шалашами, стоила разорительнаго опустошенія селеній и лѣсовъ. Чѣмъ далѣе подавались мы впередъ, тѣмъ затруднительнѣе становилось наше продовольствіе, а съ приближеніемъ къ городу Остролянкѣ, что на рѣкѣ Наровѣ, и самый голодъ появился въ рядахъ нашихъ храбрыхъ солдатъ.

Сіе бѣдствіе хотя и было слѣдствіемъ неосмотрительности нашего правительства, но напаче оно происходило отъ тѣхъ чрезвычайныхъ событій коими исполнено было начало нашего вѣка.

Чтобы яснѣе представить себѣ картину нашего положенія, обратимъ взоръ на предшествовавшія оному происшествія. Выше сего въ 3-й главѣ сказано было, что король прусскій Фридрихъ Вильгельмъ III, при началѣ Аустерлицкой компаніи, принялъ нашъ 40 тысячный корпусъ подъ начальствомъ генерала Беннигсена въ свои владѣнія съ тѣмъ, чтобы соединенно съ онымъ дѣйствовать своею арміею на Рейнѣ; но неожиданный оборотъ сей войны и вѣроломные совѣты перваго королевскаго министра маркиза Луккезини, заставили короля сего колебаться между миромъ и войной, а получа извѣстіе о слѣдствіи Аустерлицкаго сраженія, Фридрихъ, желая выслужиться передъ счастливымъ Бонапартомъ, выслалъ нашъ корпусъ изъ своихъ владѣній. Но могла ли сія слабодушная политика сдѣлать полезное для Пруссіи дѣйствіе на гордую душу Наполеона? Онъ молчалъ, когда руки его были заняты Австріей, но освободясь отъ нея Пресбургскимъ миромъ, и видя въ самомъ дѣйствіи политики слабость Берлинскаго кабинета, Бонапартъ рѣшился самъ нанести ударъ невѣрной союзницѣ и вслѣдствіе сего учинилъ впаденіе въ Пруссію; за симъ впаденіемъ въ исходѣ 1806-го года послѣдовало вскорѣ сраженіе при Іенѣ 14-го Октября того же 1806-го года, гдѣ Наполеонъ однимъ ударомъ сокрушилъ 150 тысячную армію ея, которую Фридрихъ II-й основалъ на чувствѣ атеизма и чести, а не на вѣрѣ и вѣрности, и мы были свидѣтелями быстраго и ужаснаго паденія царства атеизма, гордынею человѣческою воздвигнутаго, въ семь не бываломъ доселѣ пораженіи, а не сраженіи; Наполеонъ взялъ въ плѣнъ знаменитыхъ сотрудниковъ Фридриха II-го, герцога Брауншвейгскаго и фельдмаршала Мелендорфа, болѣе 8000 солдатъ и всю почти артиллерію; уцѣлѣвшій клочокъ пруссаковъ съ генералами Лестокомъ и Рухелемъ бѣжалъ за Вислу, а генералъ графъ Калькрейтъ съ 10-ю тысячами засѣлъ въ Данцигѣ. Слѣдствіемъ Іенскаго истребленія было не только паденіе арміи, но и всего королевства Пруссіи, ибо ея зна-

менитыя крѣпости сдавались Наполеону безъ выстрѣла, и онъ въ теченіи шести недѣль прошедъ все твореніе Фридриха II-го, явился въ началѣ декабря близъ Варшавы. Такъ погибла философская выставка героя 18-го вѣка, столь прославленнаго философа-государя Фридриха II-го. Слѣдствіемъ сего необычнаго и столь знаменитаго событія были и всѣ наши способы къ продовольствію со стороны Пруссіи прерваны, и мы, бывъ призваны сильнымъ союзникомъ къ соединенію съ его знаменитой арміей, внезапно увидали 150 тысячъ французовъ предъ собою и вмѣсто провіанта и денегъ, къ намъ посыпались ядра непріятельскія.

Такимъ образомъ, получа свѣдѣніе о истребленіи пруссаковъ, мы сдѣлали суворовскій переходъ въ 55 верстъ къ Остерлянкѣ, дабы стать на линію соединенія съ корпусомъ Беннигсена, занимавшаго Варшаву. и при появленіи Наполеона отступавшаго къ Пультуску; всѣ сіи движенія простирались до 14-го Декабря 1806-го года, въ которое время пріѣхалъ къ намъ главнокомандующимъ фельдмаршалъ графъ Михайло Каменскій, и принялъ въ свою команду всю нашу армію, изъ корпусовъ генераловъ Беннигсена, Буксегвдена и Эссена I-го состоявшую и вмѣщавшую въ себѣ 10 дивизій пѣхоты, полковъ гусарь, драгунъ и кирасирь съ пушками артиллеріи и простиравшуюся до 130 тысячъ, считая въ томъ числѣ и казаковъ.—

Претерпѣвая, какъ сказано выше, большой недостатокъ въ нашемъ продовольствіи, мы брали рожь у жителей и молоди ее солдатами въ ручныхъ жерновахъ и тѣмъ предупредили жестокой голодъ. Каменскій, пріѣхавъ и, увидавъ наше внутреннее положеніе, бросилъ армію и уѣхалъ въ Россію. Поступокъ единственный въ лѣтописяхъ военныхъ и ни въ какомъ случаѣ и ничѣмъ неизвинительный, но въ правленіе слабое и безпорядочное императора Александра I-го, только могущій послѣдовать. Между тѣмъ Беннигсенъ при Пультускѣ былъ атакованъ Наполеономъ и выдержалъ сіе сраженіе очень удачно, съ числомъ меньшимъ противъ его; мы подвинувшись къ мѣстечку Макову и слыша жестокую канонаду пребыли безъ дѣйствія, хотя весьма могли, приближась къ Беннигсену съ 50 тысячами свѣжаго войска, разбить въ пухъ Наполеона, не вѣдавшаго о нашемъ прибытіи и тѣмъ заставили бы его ретироваться вновь за Вислу и въ столь сумрачное и грязное время года въ томъ климатѣ, и по вѣрнѣйшимъ соображеніямъ онъ бы погибъ тогда же и рѣки крови человѣческой не лились бы до 1815-го года. Но нехотѣніе употребить знаменитаго Кутузова въ вожди наши, и многія другія упущенія и ошибки Александра I-го дѣлаютъ его

виновнымъ во всѣхъ послѣдующихъ бѣдствіяхъ 8 лѣтъ тяготившихъ Россію.

Итакъ скопище нѣмцевъ Бенигсенъ, Буксгевденъ и Эссенъ, оставшіе безъ главнаго вожда, начали плутать по Польшѣ и втолкнулись въ началѣ 1807-го года въ Старую Пруссію, гдѣ армія и поручена командѣ генерала Бенигсена. Бенигсенъ не будучи русскимъ (важная неудобность), слѣдственно, не зная характера русскихъ войскъ, началъ отступать, наводя Наполеона, по словамъ его, на выгодныя для себя позиціи. Сіе непрестанное отступление, сей маневръ нѣмецкаго характера, отъ котораго мы потеряли большое число людей и лошадей на сихъ переходахъ, усталыми и бѣжавшими поляками, бывшими у насъ въ полкахъ изъ рекрутъ литовскихъ, (у насъ въ полку изъ 1300 человекъ выбыло изъ строя 300 человекъ, усталыми нашими—и бѣжавшими поляками), произвели наконецъ всеобщій ропотъ и столь сильный, что главнокомандующій почелъ нужнымъ призвать въ главную свою квартиру шефовъ всѣхъ полковъ и объявить имъ, что ропотъ солдатъ слышитъ онъ и просить ихъ объявить онимъ, что онъ не боится французовъ, а ведетъ армію къ твердой позиціи, гдѣ и дастъ жестокое сраженіе. Сіе увѣреніе главнокомандующаго успокоило умы храбрыхъ и побѣдоносныхъ воиновъ нашихъ, готовыхъ лучше лечь на мѣстѣ, чѣмъ изнурять себя робкими ретирадами.

22-го Января 1807-го года при мѣстечкѣ Янковѣ дошло у насъ до первой перестрѣлки съ французами, 25-го при Лансбергѣ была вторая, 26-го третья при Прейсишъ-Эйлау, но уже довольно жарка, въ которой я видѣлъ героя князя Багратіона, командующаго нашимъ арьергардомъ, къ которому мы были посланы на подкрѣпленіе, и я съ гренадерскимъ батальономъ занималъ въ сей день одну деревеньку на нашемъ правомъ флангѣ, но до дѣла здѣсь не дошло, и мы отступили за городъ Прейсишъ-Эйлау, гдѣ и заняли высоты тамъ лежащія, построясь въ ордеръ баталію; первая линія колоннами, а вторая линіями, и въ семь положеній ночевали.

27-го день достопамятнѣйшій въ нашей военной исторіи. Рано по утру Наполеонъ атаковалъ нашъ правый флангъ, состоящій изъ нашей 5-й и 7-й дивизіи подъ командою генералъ лейтенанта Тучкова 1-го, густыми колоннами своей кавалеріи; она была допущена на полный картечный выстрѣлъ и потомъ встрѣчена нашими батареями изъ 48 орудій состоящими и командуемыми храбрымъ бастиономъ Шульманомъ, Никитинымъ и графомъ Сиверсомъ, совершенно смята, пора-

жена и преслѣдуема ядрами. Вторую атаку произвелъ Наполеонъ пѣхотными колоннами, которыя, бывъ смяты равномѣрно огнемъ нашей славной артиллеріи, были преслѣдованы полками нашей дивизіи Сѣвскимъ и Калужскимъ; послѣ сихъ неудачныхъ атакъ Наполеонъ открылъ по насъ губительный огонь сильныхъ своихъ батарей и повелъ атаку на нашъ лѣвый флангъ, куда прибылъ въ подкрѣпленіе прусскій генералъ Лестокъ съ 10-ю тысячами своего войска. Здѣсь произошла жесточайшая битва, продолжавшаяся до самой ночи, и во время которой нашъ лѣвый флангъ нѣсколько осадилъ назадъ, будучи несравненно малочисленнѣе атакующихъ войскъ, ибо нашъ главнокомандующій видя, что нашъ флангъ, счастливо отбивъ непріятеля, стоялъ безъ дѣйствія подъ губительнымъ огнемъ артиллеріи французской, ни мало не думалъ послать нѣсколько полковъ въ усиленіе нашего лѣваго фланга, но напротивъ при самомъ жестокомъ нападеніи на наши войска, непріятелемъ учиненномъ, рѣшился было отступить, но былъ отъ сего удержанъ настоятельнымъ требованіемъ благоразумнаго генерала Тучкова.

Съ 11-го часа утра до самой глубокой ночи мы безъ промежутка стояли подъ жесточайшій пальбой непріятельскихъ батарей такъ, что была пословица: подъ Эйлау для труса мѣста не было. Симъ губительнымъ огнемъ въ моей ротѣ убито 15, а ранено жалостнѣйшимъ образомъ 20 человекъ гренадеръ; сіи раны состояли въ оторваніи рукъ, ногъ и срываніи части череповъ и большею частию были смертельны. Въ сіе жесточайшее сраженіе, гдѣ одна храбрость даровала намъ побѣду и принудила отступить многочисленностію превосходящаго насъ непріятеля, я подвергался большой и неоднократной видимой опасности, изъ которыхъ милосердная десница Всемогущаго изводила меня невредимо; скажу только объ одной или двухъ: напримѣръ—изъ тысячи летѣвшихъ надо мной и возлѣ меня ядеръ, одно шло прямо въ разрѣзъ мнѣ, но ударившись въ бывшій противъ меня непримѣтный почти бугорокъ, столь углубилось, что засыпавъ меня снѣгомъ и землею, не могло вылетѣть, и товарищи крайне удивились, увидя меня живымъ; другое ядро, ударивъ въ пороховой ящикъ, убило лошадь и оторвало объ ноги состоявшему возлѣ меня канониру, оторвавъ руку еще ближе ко мнѣ подавшемуся моей роты унтеръ-офицеру Ивану Устинову, а я остался цѣлъ. Въ сіе жесточайшее сраженіе съ нашей стороны убито и ранено 17000 человекъ, а съ французской также не менѣе; въ нашей арміи въ семь сраженій въ строѣ было 76000 человекъ и 10 тысячъ пруссаковъ, у французовъ было около 120000; пушекъ съ обѣихъ сторонъ было близъ 1600.

На другой день, то есть 28-го января, мы отступили еще до свѣту къ Кенигсбергу, а французы къ Остерроде. И такъ ясно, что сія битва для обѣихъ сторонъ была истребительною, осталась однако нерѣшеною. Сражаясь два дня, то есть 26-го и 27-го, армія наша не имѣла куска хлѣба; 28-го и 29-го отступая къ Кенигсбергу также безъ хлѣба, мы столько потеряли людей отсталыми, что у насъ во всемъ полку осталось около 300 человѣкъ, и мы сформировавшись въ одинъ батальонъ, 4 знамени отправили по приказанію главнокомандующаго въ его квартиру. Въ семь положеніи 30-го января, прибывъ къ Кенигсбергу расположились мы предъ нимъ линіями на бивакахъ, на которые доставили къ намъ хлѣбъ и немного мяса, послѣ сего, дня черезъ четыре, вступили въ самый городъ, а авангардъ нашъ подвинулся къ Гейльсбергу и далѣе къ рѣкѣ Алѣ. И такъ, послѣ 50 дневнаго стоянія на бивакахъ, мы наконецъ ощутили и комнатный воздухъ; оборвавшись весь, я здѣсь шилъ себѣ платье и утолилъ свой голодъ вкусными блюдами. Подлинно, военная служба есть мать нужды и лишеній! Но и въ ней есть особеннаго рода наслажденія, которыхъ мирный гражданинъ никогда не испытываетъ; сіи то, такъ сказать, капли удовольствій въ морѣ бѣды и напастей увлекаютъ сыновъ войны на поле брани, куда они летятъ съ радостью, удивительною для того, кто не можетъ чувствовать той радости, того удовольствія, которое рождаетъ въ насъ временное лишеніе всѣхъ жизненныхъ благъ при новой встрѣчѣ съ оными.

Простоявъ въ Кенигсбергѣ дней десять мы вышли изъ онаго и пошли въ селеніе Нейндорфъ къ сторонѣ Гейльсберга, а главная наша квартира перенесена въ Бартенштейнъ. Кенигсбергъ, древняя столица герцогства Пруссіи, стоитъ на рѣкѣ Прегель при Куришъ-Гафѣ или заливѣ Балтійскаго моря; онъ довольно обширенъ, строеніе имѣетъ все каменное, по большей части въ три этажа, но замѣчательнаго ничего; торговлю производитъ обширную съ Литвой и Польшей и имѣетъ жителей болѣе 60 тысячъ.—Тогда полагали, что 10 дневное стояніе наше въ немъ и возлѣ его принесло ему 2 милліона рублей серебромъ. И не мудрено, ибо армія здѣсь получа свое жалованье и рационныя деньги, здѣсь его и оставила. По прошествіи уже 21-го года отъ битвы Эйлауской, я съ радостію вспоминаю необыкновенную твердость духа и теплую вѣру нѣкоторыхъ изъ бывшихъ моихъ товарищей, кровію своею запечатлѣвшихъ любовь къ отечеству и преданность къ престолу. Изъ нихъ прапорщикъ моей роты Константинъ Бровчинскій, бывъ пораженъ ядромъ въ бокъ, воскликнулъ: „Господи, пріими духъ мой!“ и за симъ словомъ испустилъ духъ свой возлѣ

меня. Унтеръ-офицеръ Иванъ Устиновъ, моей же роты, получа ударъ ядромъ въ правую руку, которымъ оторвало у него кисть, не только устоялъ на мѣстѣ, но весьма хладнокровно сказалъ: „этакия бестія, теперь и перекреститься нечѣмъ!“—и пошелъ на перевязку.

Простоявъ въ Нейндорфѣ до 16-го апрѣля, въ которое время подошли къ намъ усталые и бѣжавшіе изъ плѣна непріятельскаго наши солдаты, мы сего числа выступили черезъ города Ландсбергъ, Оршенъ въ городъ Цинтенъ, гдѣ и простояли по 22-е число того же мѣсяца, а въ сей день послѣдовали черезъ Кенигсбергъ и деревни Митьэтень и Ведитень въ городъ Фиштаузенъ, лежащій на берегу залива Балтійскаго моря. Здѣсь въ первый разъ увидѣлъ я море. Сей величественный видъ приковалъ меня на нѣсколько минутъ; въ морѣ стояли англійскіе и шведскіе фрегаты, и я съ восхищеніемъ смотрѣлъ на сіи плавающія крѣпости, какъ на эмблему ума человѣческаго. 25-го приближаясь къ городу и крѣпости Пиллау, мы остановились въ маленькой деревенькѣ на самомъ морскомъ берегу лежащей, гдѣ на свободѣ любилъ я сидѣть на берегу и любоваться игрою волнъ, какъ изображеніемъ собственной моей жизни; и я игрою волненія страстей людскихъ и своихъ собственныхъ, изъ палатъ царскихъ брошенъ въ хижину и изъ хижины на поле брани, гдѣ считаюсь изъ мѣста въ мѣсто и ищущу, такъ сказать, смерти. Какая судьба ожидаетъ меня въ будущемъ? Гдѣ наконецъ назначено приклонить мнѣ голову мою для успокоенія? Или жизнь сія все пройдетъ въ бѣдствіи? Такъ думалъ я въ 1807-мъ году!—и все сіе выписываю изъ тогдашнихъ моихъ записокъ. Но вскорѣ сіи мирныя размышленія мои были нарушены быстротою военныхъ приготовленій, ибо 26-го числа получили мы повелѣніе, что назначаемся для морской экспедиціи и поступаемъ въ команду генерала графа Николая Каменскаго, послѣ чего, 27-го числа, и выступили мы въ городъ Пиллау, который хотя и не великъ, но многолюденъ, богатъ и слѣдственно хорошо выстроенъ. При вступленіи во оный мы слушали полковой молебень, прося Господа силъ благословить насъ на новый подвигъ!

Въ семь городъ нашли мы всѣ полки своего отряда, названнаго легучимъ отрядомъ, и который состоялъ изъ нашего Могилевскаго, Архангелогородскаго, Полоцкаго, Навагинскаго, Тобольскаго, пѣхотныхъ; 21-го Егерскаго полковъ и полка казаковъ и 66 орудій артиллеріи; число людей въ семь отрядѣ простиралось до 5000 по случаю большой недостаки комплекта. Съ самаго ранняго утра стали садиться на купеческіе корабли для насъ приготовленные и къ 7 часамъ вечера

выбуксировались на взморье. Здѣсь представился для меня одинъ изъ достопамятѣйшихъ видовъ въ моей жизни. 50 кораблей съ войсками были выстроены въ линію, по флангамъ которой стояло по три шведскихъ и англійскихъ фрегатовъ; вскорѣ вся сія линія снялась съ якоря по данному сигналу съ англійскаго фрегата, на которомъ сидѣлъ графъ Каменскій и въ чудеснѣйшемъ порядкѣ, на всѣхъ парусахъ пустились въ море. Единственное зрѣлище, объ которомъ житель твердой земли не можетъ имѣть яснаго понятія. Едва мы тронулись, какъ зрители, коими усѣянъ былъ весь берегъ, замахали шляпами и платками, а мы крикнувъ ура, при громкой музыкѣ понеслись по гладкой поверхности зыблущейся стихіи. Я долго стоялъ на палубѣ корабля и не могъ насладиться сначала величественнымъ строемъ нашего флота, а потомъ неизъяснимо разительнымъ захожденіемъ солнца, отъ котораго все море попеременно было золотымъ, краснымъ и багровымъ; только мрачная ночь уже въ 10 часовъ вечера принудила меня сойти въ каюту. Корабль, на которомъ я сидѣлъ съ двумя ротами, назывался „Робертъ“. Начало нашего плаванія было благополучно, ибо день былъ ясный и вечеръ прелестнѣйшій; итакъ, покуда займемся взглядомъ на то куда и для чего плывемъ мы.

Выше было сказано, что прусскій генералъ Калькрейтъ съ 10 тысячами послѣ Іенскаго истребленія взошелъ въ Данцигъ; Наполеонъ приближаясь къ Вислѣ отрядилъ къ Данцигу маршала своего Лешебра съ 30 тысячнымъ корпусомъ, повелѣвъ ему производить осаду. Съ открытіемъ весны французы начали тѣснить пруссаковъ, къ подкрѣпленію которыхъ сначала посланъ нашъ генералъ Щербатовъ съ тремя гарнизонными батальонами, впоследствии названными Вѣлостокскимъ полкомъ, но какъ по времени и сіе подкрѣпленіе оказалось малымъ, а цѣлость сей знаменитой крѣпости была необходима для военныхъ нашихъ операціи, то и положено было союзными державами послать туда 10 тысячъ шведовъ, столько же англичанъ и нашихъ; и сими войсками, разбивъ маршала Лешебра, идти въ тылъ Наполеону; соображеніе было важное, но весьма жаль, что оно осталось безъ исполненія. Вслѣдствіе сего то мы и назначены въ Данцигъ, куда и направили путь свой. Судьба кажется хотѣла испытать меня всѣми опасностями, и мы въ ночь на 29-е Апрѣля потерпѣли жестокую бурю, которая развела столь ужасное волненіе, что корабль нашъ въ паденіи своемъ казался погруженнымъ въ бездну, изъ которой нашъ выбрасывало для того, чтобы еще глубже погрузить въ оную; такимъ образомъ буря продолжалась весь день 29-го и всю почти ночь на 30-е Апрѣля только предъ разсвѣтомъ 30-го числа она утихла, а мы въ сей день

взошли въ гавань Нейфорвассеръ и въ оной вышли на берегъ въ крѣпостцу сію, которая на время и вмѣстила весь нашъ отрядъ; строеніе въ ней каменное, но самое малочисленное и состоящее почти изъ однихъ казармъ. Въ семь оконченномъ нами морскомъ пути меня сильно укачало, и я жестоко мучался морскою болѣзнью, состоящею изъ круженія головы и рвоты. 1-е Мая прошло въ переговорахъ съ городомъ Данцигомъ посредствомъ телеграфа. 2-го мы, для сдѣланія фальшивой демонстраціи, вышли колоннами изъ крѣпости и, располагаясь въ боевой порядокъ, показали себя французамъ, стоя болѣе четырехъ часовъ, послѣ чего возвратились частію въ крѣпость, а частію ставъ биваками предъ оною, но въ ночь на 3-е число съ величайшей тишиною, переправясь на паромахъ черезъ рѣку Вислу, вступили въ крѣпость Вейксельмюндъ, занятую тремя прусскими батальонами пѣхоты съ полкомъ королевскихъ драгунъ подъ командою генерала Рембова; здѣсь, прилегши на площади и у валовъ крѣпостныхъ, мы немного отдохнули, съ раннимъ же разсвѣтомъ построились въ три колонны къ атакѣ и стали у воротъ, дожидаясь свѣта. 1-я колонна составлена была изъ 21-го Егерскаго полка и стрѣлковъ отъ всѣхъ полковъ по 60 человекъ съ каждаго, имѣя при себѣ взводъ пруссаковъ; число ея простиралось до 1600 человекъ и ею командовалъ генералъ майоръ Лаптовъ; 2-я колонна была наша, составленная изъ полковъ: нашего Могилевскаго и Полоцкаго и 100 казаковъ, число ея простиралось до 1500 человекъ. 3-я составлена была изъ полковъ Навагинскаго, Тобольскаго и батальона Архангелогородскаго и была въ командѣ генерала Арсеньева, число ея было до 1800 человекъ; резервъ нашъ состоялъ изъ двухъ батальоновъ: Архангелогородскаго полка и 3 прусскихъ, всего до 2000 человекъ.

Общія распоряженія были слѣдующія: 1-я колонна атакуетъ лѣсъ, въ лѣвомъ флангѣ нашемъ лежащій и занятый непріателемъ; вторая по очищеніи сего лѣса пойдетъ на укрѣпленный холмъ и взявъ его приступомъ, откроетъ тѣмъ сообщеніе съ Данцигомъ, изъ котораго въ сіе время гарнизонъ сдѣлаетъ сильную вылазку; 3-ья колонна обойдетъ лѣсъ и будетъ угрожать стрѣлками правому непріятельскому флангу войскъ, въ лѣсу расположенныхъ, и подаваясь впередъ, будетъ заходить имъ въ тылъ; очистя лѣсъ, сіи обѣ колонны пойдутъ далѣе и взойдутъ подобно намъ въ Данцигъ; но всѣ сіи предначертанія не исполнились, какъ видно будетъ ниже. И такъ раннимъ утромъ 1-я колонна атаковала лѣсъ и сначала весьма удачно, но полученное непріателемъ скорое подкрѣпленіе остановило первый ея натискъ, и огонь закипѣлъ на одномъ мѣстѣ. Въ сіе время наша колонна, вышедъ изъ крѣпости,

остановилась, прошедъ съ полверсты отъ оной; въ сіе мгновеніе Каменскому надлежало всю нашу колонну пустить въ лѣсъ, гдѣ сражалась 1-я и, ею удара во флангъ непріятели, истребить его прежде его дальнѣйшаго усиленія, но вмѣсто сего Каменскій, будучи пьянъ, въ сіе время остановилъ насъ, какъ сказано, на дорогѣ въ ожиданіи очищенія лѣса первой колонной; между тѣмъ Лефевръ не дремалъ, но тотчасъ началъ посылать сильныя подкрѣпленія своимъ въ лѣсъ, а по нашей колоннѣ открылъ перекрестный огонь со всѣхъ своихъ батарей. Стоя подъ симъ губительнымъ огнемъ, мы имъ служили мишенью; у насъ почти безпрестанно вырывали ядра цѣлые ряды храбрыхъ, но жалости достойныхъ нашихъ солдатъ, которые стояли неподвижно и мужествомъ своимъ изумляли англійскихъ офицеровъ, при насъ бывшихъ. Между тѣмъ третья наша колонна, подойдя къ берегу моря, остановилась и стояла во все время нашего сраженія безъ всякаго дѣйствія и тѣмъ лишила насъ содѣйствія 1800 человекъ войска, но Каменскій ничего сего не помнилъ, будучи въ сильномъ разхмельѣ. И такихъ то людей избирали тогда въ отдѣльные начальники, а между тѣмъ Милорадовичъ и другіе оставлены были безъ дѣйствія, и сему то непонятному оцѣпенѣнію Александра 1-го обязана Россія пятнадцатимъ униженіямъ и разорительнымъ 1812 годомъ. Наконецъ непріятель, которому давали время на подкрѣпленіе, въ виду нашемъ къ нему подходившій, усилился, погналъ нашу колонну вонъ изъ лѣса; Каменскій, вида сіе, теперь рѣшился оную подкрѣпить и то частями, посылая изъ нашей колонны ротами. Во время сихъ нестерпимыхъ глупостей, французскій маршалъ Лефевръ столько успѣлъ прислать подкрѣпленія въ сей лѣсъ, что число непріятели возросло до 5000 человекъ, а подъ конецъ до 10 тысячъ, ибо пруссаки никакой изъ Данцига вылазки не сдѣлали и тѣмъ способствовали французамъ безъ развлеченія устремиться на одинъ пунктъ нашъ.

Каменскій, обезсиля нашу колонну взятіемъ поротно всего Полоцкаго полка, и увидя малый успѣхъ 1-й колонны, поворотилъ и нашъ полкъ въ лѣсъ, занявъ наше мѣсто тремя прусскими батальонами Рембова, которые, нимало не держась, ушли въ крѣпость; тогда 2 батальона Архангелогородскаго полка заступили то мѣсто, которое мы съ толикою славною непоколебимостію удерживали болѣе 4 часовъ. Подошедъ къ лѣсу, я первый посланъ былъ съ моей ротой впередъ, которую, построивъ въ линію, я быстро повелъ въ жестокой огонь, кипѣвшій на одномъ мѣстѣ, ибо ни наши, ни французы другъ другу не уступали ни шагу земли. Но въ самомъ пылу я былъ вскорѣ раненъ въ правое плечо на вылетъ, и брызнувшая фонтаномъ кровь моя

принудила меня отдать команду старшему по мнѣ. Я возвратился къ крѣпости на первую перевязку и видѣлъ Каменскаго, стоявшаго на укрѣпленіи и спросившаго о мирѣ; послѣ перевязки я взошелъ въ крѣпость и легъ на показанной мнѣ квартирѣ. Между тѣмъ сраженіе кипѣло, и ружейный огонь густо катался въ рядахъ сражающихся, что продолжалось до 12 часовъ съ перемѣннымъ счастьемъ. Наконецъ Каменскій, вида, что не храбрость, но число солдатъ нашихъ чрезмѣрно начало уменьшаться, ибо мы сражались тремя тысячами противъ десяти тысячъ, далъ приказаніе отступить, что и исполнено съ примѣрной неустрашимостію, какъ со стороны начальствующихъ, такъ и подчиненныхъ; въ числѣ первыхъ отличился тогда покойный братъ мой Алексѣй, командуя 2-й колонной.

Въ сіе сраженіе, названное отъ стыда Каменскимъ рекогносцированіемъ, полкъ нашъ покрылся славой предъ всѣми другими храбрыми полками нашими и заслужилъ имя: „храбрый Могилевскій полкъ“—отъ своихъ и чужестранцевъ. Свидѣтели сего славнаго для нашихъ офицеровъ и солдатъ сраженія, англичане и шведы пожимали намъ раненымъ руки въ знакъ уваженія крича: „браво, Русь!“ Итакъ что же намъ осталось отъ сего жестокого и упорного сраженія, въ которомъ въ моей ротѣ изъ числа 85 человекъ, бывшихъ въ сей день въ строю, убито—унтеръ офицеровъ 3, барабанщикъ 1, рядовыхъ 18; ранено оберъ-офицеровъ 2, рядовыхъ 21, а всего выбыло изъ фронта 45 человекъ. Въ полку же изъ числа 700 въ строю бывшихъ, выбыло 396 человекъ. Одна слава, но пользы никакой! Здѣсь ясно видимо, что и безъ помощи союзниковъ мы подъ начальствомъ просвѣщеннѣйшаго и опытнѣйшаго генерала взошли бы въ Данцигъ и заставили бы Наполеона по меньшей мѣрѣ усилить еще Лефевра, а симъ самымъ ослабя его армію, способствовали бы равновѣсію силъ оной съ нашею. Не могу вновь не обратиться къ бывшимъ моимъ товарищамъ и не сказать, что въ сей славный для насъ день, всѣ 12 ротныхъ начальниковъ были переранены, что солдаты наши какъ львы шли впередъ, изъ числа которыхъ моей роты гренадеръ Мироновъ, бросаясь въ средину непріятели, и поражая ихъ, былъ самъ отъ множества оныхъ поднятъ на штыкахъ.

4-го мая насъ раненыхъ посадили на корабль и повезли въ Кенигсбергъ. Каменскій, вида, что ни англичане, ни шведы не приходили къ намъ, а бывший у насъ англійскій генералъ Гутчинсонъ объявилъ, что сего и не будетъ, рѣшился и самъ днѣй черезъ 10 сѣсть на суда и возвратиться къ своей арміи, что и исполнилъ. Прибывъ

въ Кенигсбергъ, насъ выгрузили на набережную Прегеля, гдѣ мы и лежали въ ожиданіи назначенія квартиръ; въ сіе время день былъ прекрасный и покойная прусская королева Луиза, мать нашей императрицы, прогуливаясь по городу въ экипажѣ, увидя насъ лежащихъ у пристани, послала спросить: кто мы и откуда? Узнавъ все, она тотчасъ послала своего камеръ-пажа въ ратушу за квартирами для насъ, а между тѣмъ объявила, что за всѣхъ насъ будетъ платить свои деньги хозяевамъ за наше содержаніе, что великодушно исполняла восемь дней, ибо дагѣ исполнить сего была не въ состояніи по истощенію собственныхъ ея финансовъ въ то бѣдственное для Пруссіи время. На другой день сія благодѣтельная государыня прислала къ намъ своего доктора, помнится Гуфланда, который, бывъ въ великолѣпномъ синемъ, золотомъ шитомъ мундирѣ и украшенный нашимъ Анненскимъ орденомъ, осматривалъ насъ бѣдныхъ армейскихъ офицеровъ; сія жаркая любовь къ страждущему человѣчеству, сіе свойство прекрасной души милосердой Луизы долженствуешь быть незабвенными въ родѣ моемъ. И да благословится память твоя, добрая государыня, и отдаленнѣйшимъ, благомыслящимъ потомствомъ моимъ.

Получа облегченіе отъ ранъ моихъ, я въ первой пылкой любви къ отечеству отправился было въ полкъ въ исходѣ мая, но полковой командиръ мой храбрый полковникъ Платонъ Тимофеевичъ Козловскій, восторженный симъ поступкомъ, рассказаннымъ имъ графу Дебальменю и Воронцову, и князю Долгорукову флигель-адъютантамъ императора Александра I-го, совѣтовалъ мнѣ дружески побережь себя, и я чувствуя, что раны мои еще не закрылись, послѣдовалъ его совѣту и возвратился изъ подъ Гейльсберга въ Кенигсбергъ. Въ іюнѣ мѣсяцѣ, когда Фридрихское сраженіе дало несчастный оборотъ войнѣ нашей, я отправленъ въ числѣ другихъ въ городъ Юрбургъ за Нѣманъ въ нашу границу; въ семь путешествія сопутствовали мнѣ товарищи мои по ранамъ, нашего полка поручикъ баронъ Вреде и прапорщикъ Чаплинъ. Нѣманъ переправились мы подъ Юрбургомъ на плоту; здѣсь рѣка сія имѣетъ около 200 сажень ширины, но на ней есть бродъ нѣсколько лѣвѣе города, по которому при мнѣ и переправлялся тяжелый обозъ нашей арміи. Прибывъ въ Юрбургъ, я явился къ генералу, барону Маркловскому, здѣсь командовавшему гарнизонными батальонами, сведенными сюда изъ разныхъ мѣстъ, который, не имѣя возможности размѣстить насъ по столь малому городу, ибо однихъ офицеровъ простиралось до 700 человѣкъ, а рядовыхъ было нѣсколько тысячъ, предложилъ намъ ѣхать въ Россію, кому куда угодно, съ тѣмъ, чтобы по излеченіи ранъ явились къ полкамъ своимъ; я просилъ дать

мнѣ паспортъ до города Шацка Тамбовской губерніи, въ уѣздѣ котораго въ селѣ Подсосенгахъ покойная мать моя тогда находилась, и которое имѣніе досталось послѣ сестрамъ моимъ, я имѣніе нынѣ продается. Получивъ паспортъ, я отправился въ городъ Ковно, что на Нѣманѣ.

Теперь для связи моего повѣствованія обратимъ послѣдній взоръ на ту по истинѣ геройскую армію, которую въ исходѣ Апрѣля оставили мы въ окрестностяхъ Гейльсберга, Бартенштейна и на рѣкѣ Алѣ; на ту армію, которая одною неимоверною храбростью своею, одними своими трудами и рвеніемъ отстояла Россію въ теченіи 6 мѣсяцевъ, безъ всякаго способствованія отъ ума своего главнокомандующаго, который, говоря по самой строгой безпристрастной справедливости, не заслужилъ чести быть ея начальникомъ.

Въ половинѣ Апрѣля императоръ Александръ I-й прибылъ къ арміи и остановился въ городѣ Бартенштейнѣ. Обрадованная армія прибытіемъ своего монарха еще болѣе укрѣпилась въ духѣ военномъ, и мы всѣ тогда нетерпѣливо хотѣли, чтобы государь самъ принялъ команду или бы далъ намъ Кутузова. Но злой геній, управлявшій тогда симъ государемъ, внушилъ ему столь великую довѣренность къ проклятому Бенигсену, что онъ оставилъ его опять нашимъ главнокомандующимъ и, осмотрѣвъ нашъ авангардъ, бывший подъ начальствомъ безцѣннаго героя князя Петра Ивановича Багратіона, въ первыхъ числахъ Мая оставилъ армію. Всѣ старанія при семъ сего монарха къ обращенію Австріи на театръ войны остались безуспѣшны, и Францъ I-й дорого заплатилъ въ послѣдствіи за упущеніе сего славнаго и полезнаго его соединенія съ нами въ сіе побѣдоносное время.

Между тѣмъ Бенигсенъ, получа донесеніе Каменскаго о невозможности спасти Данцигъ, и опасаясь новаго усиленія Наполеоновой арміи корпусомъ маршала Лefебра, къ которой и такъ уже подошли сильныя подкрѣпленія, даже и испанскій 10 тысячный корпусъ, генерала Деларомани, рѣшился самъ атаковать его. Имѣя свѣдѣнія, что французскій корпусъ маршала Нея довольно отдаленъ отъ своей арміи и занимаетъ Гудштадъ, Бенигсенъ даетъ повелѣніе князю Багратіону съ авангардомъ атаковать маршала Нея, но для соразмѣрности силъ нашихъ противъ неприятельскихъ, даетъ повелѣніе генералу Сакену (что нынѣ графъ и фельдмаршалъ) съ его корпусомъ идти въ команду къ Багратіону. Багратіонъ, увѣдомленный о семъ усиленіи, атакуеть стремительно Нея при Гудштадѣ и тутъ завязалась сильная свалка, но

какъ Сакенъ медленно шелъ и даже сдѣлалъ на дорогѣ привалъ, то маршалъ Ней, имѣя время получить подкрѣпленіе отъ ближнихъ къ нему войскъ, сталъ несравненно сильнѣе Багратиона и принудилъ его помышлять о своемъ спасеніи; между тѣмъ, Багратионъ, посылая адъютанта за адъютантомъ къ Сакену, чтобы сей спѣшилъ къ нему, и видя что онъ не идетъ, принужденъ былъ отступить, но и тутъ искуснѣйшимъ образомъ умѣлъ навести Наполеона на Гейльсбергскія укрѣпленія, гдѣ и пощелкала его наша армія 24-го и 25-го Мая. Въ то время, когда Багратионъ былъ въ полномъ отступленіи, явился къ нему и Сакенъ; говорятъ, что въ пылу гнѣва князь едва не закололъ его.

Князь Багратионъ требовалъ судить Сакена и на него нарядили военный судъ, но по похвальному обыкновенію царствованія Александра I-го, когда самые величайшіе преступники оставались безъ наказанія, и Сакенъ былъ оправданъ.

Наполеонъ, атакуя нашу армію при Гейльсбергѣ и, видя непреодолимость сей позиціи, рѣшился угрожаніемъ флангамъ нашихъ принудить слабого умомъ Беннигсена оставить оную, въ чемъ и успѣлъ совершенно. Беннигсенъ потянулся къ Фридланду, и Наполеонъ разбитый при Гейльсбергѣ и потерявъ тамъ болѣе 10 тысячъ, преслѣдовалъ его туда же. Здѣсь предъ незначительнымъ городкомъ Фридландомъ 2-го Іюня послѣдовала та битва, слѣдствіемъ которой былъ постыдный миръ Тильзитскій, изнурившій Россію запрещеніемъ торговли въ теченіе 5 лѣтъ, войною шведскою, потерей всего флота, въ Архипелагѣ бывшаго, и иго милліонной контрибуціи. Я рѣшусь сказать о сей битвѣ нѣсколько словъ, слышанныхъ мною отъ очевидцевъ и участниковъ оной. Съ ранняго утра Наполеонъ учинилъ атаку, но былъ отбитъ на всѣхъ пунктахъ и до второго часа пополудни побѣда оставалась на сторонѣ нашей; день былъ жаркій; Наполеонъ, желая дать отдыхъ своимъ войскамъ и сосредоточить ихъ на одинъ пунктъ, прекратилъ въ сіе время атаку. Бейнигсенъ поѣхалъ въ городъ обѣдать, корпусные генералы тоже, а войскамъ приказали, составя ружья, послать въ городъ за винной и мясной порціей; такимъ образомъ армія осталась въ совершенной безопасности. Въ 4 часа Наполеонъ пользуясь мѣстомъ подъ покровительствомъ лѣса, сосредоточилъ свои колонны противу нашего центра, вдругъ открылъ пушечную пальбу по нашимъ линіямъ, которою разбивая составленные ружья на дальнѣе разстояніе, поражалъ кучи сидѣвшихъ солдатъ и произвелъ тѣмъ страшную суматоху; офицеры наши, вскоча, закричали: „къ ружью!“ Солдаты бросились къ

онымъ, но летавшія ядра попадая въ ихъ кучи, произвели страшное замѣшательство; въ то же время французскія колонны, со свойственною имъ быстротою, послѣшали къ замѣшавшемуся нашему центру арміи, будучи усилены кавалеріею, которая было понеслась впередъ. Артиллерія наша не успѣла сдѣлать выстрѣла, какъ французы были уже близъ батарей, и войска нашего центра бросились назадъ. Гвардія наша, бывшая въ резервѣ столь же быстро побѣжала, ибо и ея всѣ начальники были въ городѣ; наши фланги арміи, которые хотя также были атакованы, но имѣя начальниковъ удержались, а видя разорваннымъ центръ свой, начали отступать, при чемъ особенно подвергся опасности лѣвый нашъ флангъ, предводимый генераломъ Доктуровымъ, которому надлежало переходить рѣку по найденному имъ броду, но искуснымъ маневромъ и жестокимъ дѣйствіемъ нашей артиллеріи, Доктуровъ нанесъ непріятелю весьма значительный уронъ, заставя французовъ остановиться. Слѣдовало бы Беннигсена перваго судить, но его только удалили отъ команды и то послѣ мира, а изъ всѣхъ генераловъ только наказаны генералы: Малютинъ и Леонтій Депперадовичъ, если отставка можетъ быть наказаніемъ симъ подлымъ людямъ.

Въ сіе сраженіе армія наша потеряла 20 тысячъ ранеными, и убитыхъ, и плѣнныхъ и болѣе 150 орудій, но со всѣмъ тѣмъ въ ней осталась до 60 тысячъ и къ ней послѣшила новая дивизія князя Лобанова. Но Александръ I-й столь ужаснулся сего пораженія, что вскорѣ, увидя съ Наполеономъ, на плоту, среди Нѣмана, заключилъ постыдный миръ въ Тильзитѣ.